

Пушкина, освободиться от ставших догмой клише и ни в коем случае не превращать его в памятник.

1. Абрам Терц (Андрей Донатович Синявский). Собр. соч.: В 2 т. - М., 1992. - Т.1.
2. Слюсарь А.А. Русский роман первой половины XIX века // Концепция человека в русской литературе. - Одесса, 1997.
3. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» // Вопросы литературы. - 1990. - № 10.
4. Новиков В. Синявский и Терц // Абрам Терц (Андрей Синявский) Собр. соч.: В 2 т. - М., 1992. - Т.1.
5. Орлова Е.И. После сказа (Михаил Зощенко - Венедикт Ерофеев - Абрам Терц) // Научн. докл. высшей школы. Филологические науки. - 1996. - № 6.
6. Шукин В.Г. В мире чудесных упрощений (к феноменологии мифа) // Вопросы философии. - 1998. - № 11.
7. Оксенов Инн. Жизнь А.С.Пушкина. -Л., 1938.
8. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. - М., 1998.
9. Ерофеев В., Пригов Д., Сорокин В. ЁПС: Сборник рассказов и стихов. - М., 2002.
10. Толстая Т.Н. Сюжет // Ночь: рассказы. - М., 2001.

«МИФ О ЛОМОНОСОВЕ» И ЕГО ОЦЕНКА ПУШКИНЫМ

Н.И.Николаев

(доктор филологических наук, профессор, Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М.В.Ломоносова, Россия)

Стаття присвячена пушкінській оцінці літературної спадщини поета XVIII століття в контексті пануючого в російській культурі "міфу про Ломоносова".

The article is concentrated on the Pushkin's evaluation of the literary heritage of the poet of XVIII century in the context of "myth about Lomonosov", dominating in Russian culture.

Пушкинская оценка литературного наследия М.В.Ломоносова весьма заметно отличается от того, как оно виделось его литературным предшественникам и современникам. Всеми почитаемый поэт и родоначальник новой русской литературы, М.В.Ломоносов, вопреки устоявшейся точке зрения на его неопределимое влияние на развитие русской литературы, был представлен А.С.Пушкиным нарочито противоположным образом: «Его влияние на словесность было вредным и до сих пор в ней отзывается» (1, 249).

Это резкое мнение А.С.Пушкина хорошо известно и неоднократно обращало на себя внимание в литературоведении. Столь необычное суждение объяснялось, как правило, литературными пристрастиями поэта XIX века, особенностями полемики, в которой жил он в пору своих литературно-эстетических исканий. Да и сам А.С.Пушкин дал для этого достаточно поводов. Обратимся к его непосредственным оценкам М.В.Ломоносова.

«... Исправный чиновник, и не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий» (1, 249).

«... Эта схоластическая величавость, полуславенская, полулатинская, сделалась было необходимостью: к счастью, Карамзин освободил язык от чужого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова. В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты» (1, 249).

«Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым» (1, 249).

Оценка довольно легко вращается в контекст весьма общего и типичного для первой трети

XIX века спора о путях развития русской культуры. Не случайно противопоставлен Ломоносову Карамзин, и столь же не случайно рассуждение о заимствованном (вследствие чего бесперспективном) и сугубо русском, национальном пути, от которого, судя по всему, отклонился Ломоносов-поэт.

О чем и с кем так настойчиво спорит А.С.Пушкин в своем утверждении низких свойств ломоносовской поэзии? Ведь очевидно, что в первой трети XIX столетия поэзию «российского Пиндара» уже никто не воспринимает как образец для подражания. Впрочем, об этом обстоятельстве десятилетием ранее его «Путешествия из Москвы в Петербург», из которого взяты нами вышеприведенные цитаты, говорит сам А.С.Пушкин в известной статье «О переводе г-на Лемонте к переводу басен И.А.Крылова»: «... странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтобы человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики» (1, 33).

Современные Пушкину почитатели М.В.Ломоносова видят и ценят в нем исключительно исторического предшественника, первопроходца, «Петра Великого» русской литературы. Именно так оценил его в 1834 году В.Г.Белинский в «Литературных мечтаниях». Для последнего «стихотворения Ломоносова носят на себе отпечаток гения» (2, 70), хотя и он знает о его слабостях и подражательности и пишет о них там же: «... его (Ломоносова – Н.Н.) погубила слепая подражательность; следовательно, она одна виною, что его никто не читает, что он не признан и забыт народом, и что о нем помнят одни записные литераторы» (2, 70).

Казалось бы, одна и та же логика рассуждений!.. Пушкин ведь тоже во многом соглашается с ролью Ломоносова-первопроходца, правда, несколько в иной сфере деятельности: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» (1, 249). И для Пушкина есть замечательные страницы в поэтическом наследии Ломоносова: «... предложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему...» (1, 33)

Какое сходство оснований, и какое различие в итоговых суждениях, определениях, вынесенных по поводу влияния Ломоносова на судьбы русской литературы. Гений, придавший импульс всему отечественному литературному развитию, – утверждает хор голосов современников Пушкина. И на этом фоне совершенным диссонансом звучат его выводы о «вредном влиянии», которое преодолевается «до сих пор».

Искать эти расхождения в прямых анализах творческого наследия Ломоносова бессмысленно. Здесь, как мы уже заметили, существенных различий нет. Они в иной плоскости восприятия русского поэта XVIII века, в чем, собственно, и предстоит разобраться.

Как представляется, негативная реакция Пушкина на литературное наследие Ломоносова обусловлена его отношением к господствующему в русском культурном пространстве эпохи «мифу о Ломоносове», созданном поколениями предшественников и современников поэта XIX века. Поэтому именно к «мифу о Ломоносове», его содержанию и истории нам целесообразно обратиться.

По определению Виктора Живова, «Петр выступал как мифологический творец новой России, Ломоносов – как мифологический творец новой русской литературы, продолжающей дело Петра и как бы от него получивший свою миссию. <...> Элементы этого мифа уже в “Оде на смерть Ломоносова” А.П.Шувалова 1765 г., они просматриваются в Ломоносовской биографии, составленной Я.Штелином, ясно видны в “Похвальном слове” Ломоносову М.М.Муравьева и к концу XVIII века становятся штампом историко-литературного сознания» (3, 41). Именно этот штамп и был с успехом воспроизведен в первой большой критической работе В.Г.Белинского. Приведем характерные цитаты из его текста. «Но вдруг, по прекрасному выражению одного нашего соотечественника, на берегах Ледовитого моря, подобно северному сиянию, блеснул Ломоносов. Ослепительно и прекрасно было это явление! Оно доказало собой, что человек есть человек во всяком состоянии и во всяком климате, что гений умеет

торжествовать над всеми препятствиями, какие и противопоставляет ему враждебная судьба, что, наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца... <...> С Ломоносова начинается наша литература, он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим. Нужно ли говорить, что это был человек великий и ознаменованный печатью гения? Все это истина несомненная. Нужно ли доказывать, что он дал направление, хотя и временное, нашему языку и нашей литературе? Это еще несомненнее» (2, 68).

Все эти риторические фигуры, убеждающие читателя в том, что не нужно ничего говорить, ничего доказывать, как раз и свидетельствуют в наивысшей степени о том, что В.Г.Белинский лишь воспроизводит уже сложившуюся, внедренную в сознание современников и всеми принятую версию «мифа о Ломоносове». Эта версия концептуально трактует Ломоносова как «реплику Петра Великого» (В.Живов) в сфере литературы и науки. По мнению В.Живова, уже в XVIII веке биография Ломоносова «начинает воссоздаваться по своего рода агиографическому канону. Как некий святой наделяется врожденным стремлением к праведности, отстраняющей его от бессмыслицы детских игр, так и Ломоносову приписывается некое врожденное просветительство: тяга к учению и литературному труду, восторженное отношение к петровским преобразованиям и рациональная недоверчивость к религиозной догме» (3, 41).

Однако концептуальный подход к Петру Великому, продолжением или «репликой» которого рассматривался мифологизированный Ломоносов, содержал в себе еще одну принципиальную черту, которую весьма точно и исчерпывающе сформулировал в конце XVIII века С.Бобров в «Столетней песне»:

*Рожден средь общей мрака сени,
Без руководства чуждых сил,
Через свой богоподобный гений
Он сам себя переродил.
Чтоб преродить сынов России... (4, 96)*

Здесь довольно четко проставлены основные акценты: рожден в окружении пустоты («мрака»), и в этой пустоте является единственным источником перерождения, животворящей перспективы. Своеобразным откликом на такое решение образа Петра было, видимо, и начало пушкинского «Медного всадника»:

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел (5, 135).*

Отсутствие признаков цивилизации, пустота, в которой единственным источником света является сам «вдруг» рожденный гений, слышится практически повсеместно в оценках М.В.Ломоносова второй половины XVIII – первой половины XIX века. Приведем наиболее упоминаемые в литературе о Ломоносове суждения этого периода.

К ним относится, прежде всего, изложенное в эпистолярном жанре широко известное посещение М.Н.Муравьевым родины М.В.Ломоносова в 1770 - 71 гг. Доминирующая тональность вынесенных им впечатлений – удивление тому, как в этих условиях рождается столь «блистающий разум». «Как! В хижине земледельца, в состоянии, посвященном ежедневному труду, далеко от всех способов просвещения, от искусств, от общества – родится разум, обогащенный всеми дарованиями, всеми способностями, которому суждено открыть поприще письмен в своем обществе?» (6, 82). Ощущение «пустоты» слышится в «Описании родины Ломоносова...» П.И.Челищева, посетившего ее через 20 лет после М.И.Муравьева: «Я

ездил с городничим и почтмейстером на то место, где родился помянутый Михайло Васильевич Ломоносов, и любопытствовал, не увижу ль каких отменных на нем знаков, но не нашел ничего...» (7, 87)

Современник М.В.Ломоносова и его противник в академической среде Август Людвиг Шлецер писал позднее о нем с нескрываемой иронией: «Михайло Васильевич Ломоносов родился в 1711 г. в Холмогорах, которые теперь деревня на острове Двины, а до построения Архангельска были главным пунктом тамошнего конца света» (8, 85). Эта оценка, по существу, всего лишь иронически заостренная, но совершенно не выпадающая из общего контекста суждений, подчеркивающих «пустоту», окружающую при рождении гения. И далее у Шлецера как бы в подтверждение этой мысли: «Ломоносов был действительный гений, который мог сделать честь всему северному полюсу и Ледовитому морю и дать новое доказательство тому, что гений не зависит от долготы и широты» (8, 86).

Тезис о «независимости гения от долготы и широты» прослушивается во множестве восторженных откликов о М.В.Ломоносове, и это, как правило, своеобразное развитие положения о цивилизационной «пустоте», в которой рождается он, а вовсе не оплодотворяющая связь с загадочным и великим Севером, как это представляется некоторым современным интерпретаторам. В ряду сторонников такого взгляда на Ломоносова и уже упомянутый В.Г.Белинский.

Известная реплика Кантемира в очерке К.Н.Батюшкова «Вечер у Кантемира», намекающая как бы на грядущее появление Ломоносова и предьявленная им в следующей форме: «... Что скажете, услыша! Что при льдах Северного моря, между полудиких родился великий гений?» (9, 47) – на самом деле реализует все ту же концепцию внезапного, необъяснимого, с точки зрения географической «широты и долготы», рождения великого гения.

Иллюстративный ряд к этому положению может почти бесконечно продолжаться. Взгляд на Ломоносова как на «реплику Петра Великого» в русской литературе и науке, Ломоносова, рожденного посреди «запустения» и «дикости», и в себе и через себя (подобно Петру Великому) несущему свет Просвещения, – наиболее распространенная версия биографического «мифа о Ломоносове» в пушкинскую эпоху.

Именно эта версия легла в основу радищевской главы «Слово о Ломоносове» в составе «Путешествия из Петербурга в Москву», в полемике с которой и выстраивалась негативная пушкинская оценка. Для А.Н.Радищева М.В.Ломоносов прежде всего первопроходец, предтеча. («Прославится всяк может подвигами, но ты был первый» (10, 211), или чуть ниже: «... великий муж может родить великого мужа; и се венец твой победоносный. О! Ломоносов, ты произвел Сумарокова» (10, 211)). Радищевский Ломоносов, несомненно, продолжение, «реплика Петра» в русской литературе («...зри, зри, и здесь твоё насаждение» (10, 212)). И, наконец, главное это то, что Ломоносов для него источник самого начала литературного развития, явившийся в абсолютной пустоте и из себя родивший импульс дальнейшего движения: *прежде начатия времен, когда не было бытию опоры и терялося в вечности и неизмеримости, все источнику сил возможно было, вся красота вселенныя существовала в его мысли, но действия не было, не было начала. И се рука всемогущая, толкнув вещественность в пространство, дала ей движение* (10, 212).

Именно так сформулированная версия «явления Ломоносова в мир» и вызывает открытое пушкинское несогласие. Ответ Пушкина Радищеву нацелен, в конечном счете, на разрушение «мифа о Ломоносове» как об абсолютном начале, первичном импульсе. Пушкину важно подчеркнуть, что «Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах» (1, 249). Наконец, его никак не беспокоит тема своих литературных продолжателей: «С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству...» (10, 187).

Пушкин восстает не против литературного наследия Ломоносова, а против «мифа о Ломоносове» в версии XVIII – начала XIX столетия. Он ломает сложившиеся стереотипы, корректирует сам этот миф, который очень скоро предстанет в русском литературном пространстве в существенно ином варианте.

В 1865 году, на столетие со дня смерти М.В.Ломоносова, Ф.И.Тютчев откликнется строками:

*Да, велико его значенье –
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам просвещенье
Не нас завоевал ему...*(11, 172)

И в этом заявлении Ломоносов предстает уже совершенно иным, не рожденным в цивилизационной пустоте, а встроенным в некую логику событий, продиктованных историей своей, русской цивилизации. Ранняя концепция внезапного, безначального явления гения уже преодолена. И преодоление это, как представляется, началось с Пушкина.

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17т. — М., 1996. — Т. 11.
2. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1976. — Т. 1.
3. Живов В. Первые русские литературные биографии // Новое литературное обозрение. — 1997. — № 25.
4. Поэты 1790 – 1810 годов. — Л., 1971.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т.— М., 1994. — Т. 5.
6. Муравьев М.Н. Отрывок из «Трех писем» //Михайло Ломоносов: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Стихи и проза о нем. — М., 1989.
7. Челищев П.И.Описание родины Ломоносова //Михайло Ломоносов: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Стихи и проза о нем. — М., 1989.
8. Шлецер А.-Л. О Ломоносове //Михайло Ломоносов: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. Стихи и проза о нем. — М., 1989.
9. Батюшков В.Г. Опыты в стихах и прозе. — М., 1977.
10. Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. — М., 1952.
11. Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2 т.- М., 1980. - Т. 1.

П.П.ВЯЗЕМСКИЙ В РОЛИ ФРАНЦУЖЕНКИ

В.В.Орехов

(кандидат филологических наук, докторант,
Измаїльський державний гуманітарний університет)

Стаття присвячена проблемі літературного функціонування «французького тексту про Росію». В центр аналізу потрапила літературна містифікація П.П.Вяземського «Листи і нотатки Оммер де Гелль». Досліджується один із авторських прийомів створення цієї літературної підробки – імітація «російських стереотипів» французької літератури.

The article analyzes the problem of literary functioning of "The French text about Russia". The centre of analysis is the literary mystification "Letters and Notes by Ommer de Gell" by P.P.Vyazevsky. There is also an analysis of national stereotype imitation problem in literature. The French model of Russian perception served as a guarantee of French national character "recognition" in Russian literature.

Затронутая проблема относится к актуальным вопросам литературной имагологии, активно разрабатываемой в современном украинском литературоведении (Д.С.Наливайко, И.В.Арендаренко). В поле анализа попадает ситуация, когда стереотип межнационального восприятия превращается в предмет литературной имитации. Отсюда цель нашей статьи – исследование основных приемов известного литератора XIX в. П.П.Вяземского при создании эпистолярно-литературной мистификации, имевшей неожиданные и весьма значимые

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

**Науковий вісник
Ізмаїльського державного
гуманітарного університету**

Збірник наукових праць

Спецвипуск

18

Ізмаїл - 2005